

КЛЮЧЕВЫЕ ПОЗИЦИИ ВС РФ ПО КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ ЗА 2023 ГОД

В 2023 году Верховный Суд Российской Федерации («**ВС**») рассмотрел важные для формирования практики корпоративные споры. Можно отметить общую тенденцию увеличения количества споров, осложненных корпоративно-семейным элементом. В другом деле ВС вводит концепцию «формальных» корпоративных решений. Также ВС продолжает разъяснять эмитентам как выкупить акции «потерянных» акционеров и сформулировать в уставе справедливые ограничения по распоряжению долями. Как применять позиции ВС и что нужно учитывать на практике, читайте в новом обзоре юристов Корпоративной практики / M&A ALUMNI Partners.

1. Сделка, которая была формально одобрена общим собранием участников в качестве крупной, может быть оспорена, если имел место корпоративный конфликт на уровне бенефициаров¹

В рассмотренном деле ВС сделал несколько важных выводов, которые безусловно окажут влияние на дальнейшее развитие судебной практики.

Во-первых, ВС указал, что передача имущества в порядке внесения в уставный капитал хозяйственного общества является сделкой, на которую распространяются правила об одобрении крупных сделок. Данный вывод не вызывает никаких возражений и скорее удивительно, что ВС в принципе пришлось поправлять нижестоящие суды по данному вопросу. Было бы более интересно и полезно для правоприменительной практики, если бы ВС дал квалификацию данной сделки (односторонняя или договор, и если договор, то следует ли рассматривать его в качестве двустороннего; можно ли субсидиарно применять правила о договорах купли-продажи).

Во-вторых, ВС ввел в корпоративное право новую категорию корпоративных решений, а именно *решений, которые создают видимость формального одобрения*. К сожалению, ВС не стал утруждать себя более подробным описанием ни сути таких решений, ни их правовой квалификации. Фактически он просто проигнорировал факт наличия такого решения, не называя его ни недействительным, ни непринятым.

На первый взгляд, можно было бы подумать, что ВС таким образом наконец-то признал возможность квалифицировать решения собраний в качестве мнимых сделок (**прим. авторов:** ранее ВС подтвердил возможность применения общих положений о сделках, в том числе положений о недействительности, к решениям общих собраний²). Однако, мнимое решение собрания означало бы его недействительность, чего в данном деле ни ВС, ни нижестоящие суды не констатировали. Напротив, именно ввиду невозможности оспорить имевшееся в деле корпоративное решение об одобрении крупной сделки ВС отказал в признании за ним должного юридического эффекта. В грубом приближении можно сказать, что ВС признал корпоративное решение *несуществующим или непринятым* по аналогии с незаключенными сделками. Однако такая квалификация вряд ли выдержит обстоятельную критику.

Последствия внедрения в российское корпоративное право новой категории квази-недействительных и принятых для создания формальной видимости корпоративных решений может иметь далеко идущие негативные последствия, так как создает риск неопределенности для любого третьего лица, заключающего сделку и полагающегося на предоставленное корпоративное одобрение. Учитывая это, **транзакционным юристам следует** скорректировать стандартный набор заверений, касающихся получения всех надлежащих корпоративных одобрений, а также рассмотреть иные механизмы защиты (например, обязательства возмещения имущественных потерь).

Спецификой данного дела было то, что корпоративный конфликт имел место на уровне иностранной холдинговой компании («бабушки» российского юридического лица). Наличие иностранной надстройки, как видится, позволило ВС (абсолютно необоснованно) не углубляться в хитросплетения иностранного корпоративного и процессуального законодательства. Однако с большой долей уверенности можно утверждать, что использование нового основания для оспаривания различного рода сделок, получивших

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2023 по делу № А40-286306/2021.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 по делу № А65-3053/2019.

формальное одобрение на уровне органов управления, получит распространение и в чисто российских корпоративных конфликтах. В этом случае российским судам будет значительно сложнее обосновать возможность игнорирования сложной корпоративной структуры акционерного владения.

В-третьих, ВС занял довольно спорный подход к определению начала течения срока исковой давности по косвенным искам. Напомним, что ранее в своем Постановлении³ ВС закрепил, что при наличии сговора генерального директора общества с другой стороной течение срока исковой давности для участника, предъявившего косвенный иск, начинается не позднее даты проведения годового общего собрания участников по итогам года, в котором была совершена оспариваемая сделка, если только информация об оспариваемой сделке скрывалась от участников или из материалов для общего собрания участников нельзя было сделать вывод о ее совершении. Таким образом, ключевым для определения начала течения срока исковой давности при «законфликтованности» единоличного исполнительного органа общества является осведомленность или вмененная осведомленность участника.

В рассматриваемом деле ВС указал, что ввиду наличия корпоративного конфликта (важно не забывать, что такой корпоративный конфликт был на уровне даже не участника, а его акционера) срок исковой давности должен исчисляться не ранее проведения годового общего собрания участников по итогам года, в котором был восстановлен корпоративный контроль конечного бенефициара над российским обществом, крупная сделка которого оспаривается.

Фактически ВС **приравнял знание участника общества к знанию его конечного бенефициара**, еще раз полностью проигнорировав длинную цепочку опосредованного владения бенефициаром долями в уставном капитале российского общества. В этом смысле позиция ВС является безусловно революционной новеллой. Несложно представить, что путем незначительных интеллектуальных усилий подобная логика приведет, например, к обоснованию права конечного бенефициара предъявлять косвенные иски. Надеемся, что данное дело останется всего лишь единичным эпизодом, которое не даст толчка к развитию новой судебной практики.

2. Увеличение уставного капитала общества с ограниченной ответственностью за счет вклада третьего лица может быть оспорено супругом(-ой)⁴

В последнее время корпоративные споры с участием супругов все чаще становятся предметом важных правовых позиций высшей судебной инстанции. В 2023 году ВС рассмотрел дело, в рамках которого супруга оспаривала сделки по отчуждению общего имущества супругов, в том числе увеличение уставного капитала за счет внесения вклада в уставный капитал третьим лицом, в результате чего произошло размытие доли, находящейся в совместной собственности супругов.

Несмотря на то, что в иске супруге было отказано, а сам иск, по всей видимости, выступал одним из инструментов в корпоративном конфликте между участниками общества⁵, ВС сформировал важную правовую позицию, влияющую на определение объема правомочий супруга в отношении долей в уставном капитале ООО. Следует, однако, отметить, что аргументация ВС вызывает вопросы с точки зрения стройности правовых логических построений.

Главная высказанная ВС правовая позиция состоит в том, что согласие супруги на введение в состав участников общества третьего лица требуется в случаях, **когда такие действия способны нарушить имущественные интересы супруги**, то есть влекут за собой уменьшение общего имущества, а именно: действительной стоимости доли.

Основные претензии к данной позиции заключаются в следующем:

Во-первых, ВС прямо не отвечает на вопрос, какая собственно сделка, направленная на отчуждение общего имущества, может быть оспорена. Можно предположить, что речь идет о решении единственного участника

³ Пп. 2 – 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность».

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 по делу № А40-91941/2022.

⁵ См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 по делу № А40-260466/2021.

об увеличении уставного капитала общества за счет принятия третьего лица. Однако решение единственного участника, тем более, решение общего собрания участников, не являются классическими сделками. Так, например, в силу действующего законодательства правом на признание оспоримого решения собрания недействительным обладает участник общества. Супруга таким участником не является, и ВС последовательно отказывает в признании за супругом или супругой, не включенным в ЕГРЮЛ в качестве участника общества, корпоративных прав⁶.

Во-вторых, отсутствует ответ на вопрос, каким общим имуществом распоряжается участник, не получивший согласия супруги (п. 2 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации)? ВС прямо указывает, что согласие супруги требуется, если принятие третьего лица в состав участников общества влечет **«уменьшение общего имущества – действительной стоимости доли»**. Напрашивается вывод, что таким общим имуществом супругов, по мнению ВС, является условное право требования участника к обществу о выплате действительной стоимости доли. Но если это так, то можно ли говорить, что снижение действительной стоимости доли юридически равно распоряжению таким правом требования? Полагаем, что нет. В противном случае и при широком толковании данной позиции любое осуществление супругом-участником своих корпоративных прав (в том числе осуществление права голоса), которое опосредованно приводит к снижению стоимости чистых активов общества и, как следствие, действительной стоимости доли, будет означать распоряжение таким имуществом и требовать согласие супруги. В отсутствие каких-либо понятных разъяснений по данному вопросу ни к чему, кроме дестабилизации оборота и потенциальной незащищенности третьих лиц – других участников и контрагентов общества, такая позиция не приведет.

3. Бессрочный запрет отчуждения долей можно включать в устав, если у участника сохраняется право на выход по справедливой цене⁷

В 2020 году юридическое сообщество обсуждало нашумевшее дело «Яна Тормыш», в котором ВС признал недопустимой модель структурирования корпоративных отношений, при которой участник не может выйти из общества без возврата своих инвестиций⁸.

В рассмотренном деле участник был вынужден остаться в обществе (т.е. его выход был экономически бессмысленным) за счет включения в устав следующих правовых инструментов, действующих *бессрочно*:

- запрет на отчуждение доли третьим лицам;
- реализация преимущественного права по заранее определенной заниженной цене – номинальной стоимости доли.

Так, в указанном деле участник захотел продать принадлежащую ему долю по цене, значительно превышающей номинальную стоимость, а остающиеся участники были намерены реализовать преимущественное право по номинальной цене, как это было предусмотрено уставом. Ввиду того, что остающиеся участники не отказывались от реализации своего преимущественного права, у выходящего участника не возникло требования к обществу о приобретении его доли с выплатой ее действительной стоимости. В таком случае выходящий участник, по мнению ВС, лишается справедливой стоимости своей доли, т.к. реализация преимущественного права *всегда* будет осуществляться по номинальной цене, и остающиеся участники *всегда* смогут заблокировать выход с выплатой справедливой цены за долю. Это противоречит сути законодательного регулирования товарищеского соглашения, лишая выходящего участника права на получение прибыли от общего дела⁹.

Позиция ВС в дальнейшем была воспринята судами, в том числе при рассмотрении аналогичного спора в 2021 году¹⁰.

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 по делу № А40-284789/2021.

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 по делу № А40-139499/2021.

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 по делу № А65-3053/2019.

⁹ Ст. 1048 ГК РФ.

¹⁰ Постановление АС Уральского округа от 07.07.2021 по делу № А60-44160/2020.

В 2023 году на рассмотрении ВС оказалось похожее дело, связанное с уставными ограничениями по распоряжению долями. В отличие от предыдущего дела ограничение на распоряжение было в уставе только одно:

- отчуждение доли третьим лицам допускается с согласия остальных участников.

В рассмотренном деле участники отказались от реализации преимущественного права и не предоставили продающему участнику согласие на отчуждение части доли. У продающего участника возникло требование к обществу о приобретении принадлежащей ему части доли с выплатой ее действительной стоимости. Несмотря на это, он заключил договор купли-продажи с третьим лицом и продал часть доли в нарушение положений устава.

Один из оставшихся участников подал иск об оспаривании заключенного договора купли-продажи (**прим. авторов:** в данном случае необходимо предъявлять иск о передаче части доли обществу вместо оспаривания заключенного договора, на что также обратил внимание ВС). Суды нижестоящих инстанций указали, что продающий участник был поставлен в ситуацию, когда реализация части доли стала невозможной ни участникам, отказавшимся от реализации преимущественного права покупки, ни третьим лицам из-за отсутствия согласия на отчуждение. В такой ситуации участник мог только выйти из общества, что *противоречило его интересам*.

ВС отправил дело на новое рассмотрение, аргументированно разъяснив, что подобное ограничение в уставе можно было бы признать недействительным, если бы соблюдались два условия:

- отчуждение доли третьим лицам возможно только с согласия остальных участников;
- отсутствие у продающего участника права требовать приобретения обществом доли с получением за нее справедливой цены (**прим. авторов:** например, если бы участники предусмотрели в уставе заранее определенную заниженную цену приобретения в рамках преимущественного права как в деле «Яна Тормыш», полностью исключили право требовать приобретения обществом доли при отказе остающихся участников в предоставлении согласия или иным образом «заперли» участника в обществе с помощью правовых инструментов, сделав его выход экономически бессмысленным или невозможным в принципе).

В рассмотренном деле продающий участник был вправе требовать приобретения обществом части своей доли. Цена такого приобретения определялась в соответствии с действующим законодательством, поэтому права продающего участника не были нарушены.

Основываясь на позициях ВС 2020 и 2023 года, мы подготовили небольшие практические рекомендации, которые можно учитывать при структурировании ограничений, связанных с отчуждением долей, в рамках устава или корпоративного договора. В таблице приведены два типа ограничений – запрет/согласие на отчуждение и преимущественное право по заниженной цене (например, по номинальной стоимости доли).

Ограничение / Срок действия	Запрет/согласие на отчуждение	Преимущественное право по заниженной цене
Бессрочность	Допускается, если есть право на выход (требование приобрести обществом долю)	Квалификация ВС в качестве ничтожного (прим. авторов: не совсем понятны последствия такой ничтожности: применяются общие законодательные положения о цене реализации преимущественного права, работает право участника требовать приобретения обществом доли или применяются какие-то иные последствия)
Ограниченность разумным краткосрочным периодом	Допускается (в том числе в отсутствие права на выход (требования приобрести обществом долю)	Допускается

4. Эмитент может выкупить акции ликвидированных/недействующих акционеров и реализовать такие акции «живым» акционерам¹¹

Проблема «потерянных» акционеров, например, юридических лиц, связь с которыми утрачена по причине их ликвидации без правопреемства в отношении акций российских эмитентов, или исключения из ЕГРЮЛ как недействующих, до сих пор не решена на законодательном уровне и особенно актуальна в отдельных акционерных обществах, например, созданных в процессе приватизации или имеющих публичный статус.

В 2023 году ВС рассмотрел очередное дело о переводе на счет эмитента – российского акционерного общества «брошенных» акций, формально принадлежащих иностранному акционеру, ликвидированному в 1997 году.

Суды нижестоящих инстанций в удовлетворении иска отказали, ссылаясь на недоказанность эмитентом фактов (i) того, что акции были брошены собственником или оставлены им с целью отказа от права собственности применительно к ст. 226 ГК РФ, (ii) владения такими «брошенными» акциями. Подобная аргументация для отказа в удовлетворении аналогичных исков ранее поддерживалась судами¹².

ВС отменил решения нижестоящих инстанций и отправил дело на новое рассмотрение, приравняв ликвидацию акционера без правопреемства к добровольному выходу акционера из общества. Правовые последствия такого «выхода» определяются комбинацией норм о добровольном приобретении акций эмитентом и выкупе акций по требованию акционеров, представляя собой юридическую конструкцию *sui generis*, а именно следующими положениями:

- об органе, который вправе принять решение о таком выкупе (п. 2 ст. 72 Закона об АО);
- об ограничениях, препятствующих выкупу (ст. 73 Закона об АО);
- порядке и размере выплаты стоимости акций (п. 3 ст. 75, п. 4.1 ст. 76 Закона об АО);
- порядке дальнейшей реализации «выкупленных» акций (п. 6 ст. 76 Закона об АО).

Следуя логике ВС, соблюдение данной процедуры является необходимым этапом для перевода акций на казначейский счет эмитента.

Важный момент – выкуп акций, по мнению ВС, осуществляется на возмездной основе только в том случае, если на момент такого выкупа не истек пятилетний срок. Начало течения срока определяется моментом внесения в ЕГРЮЛ сведений о прекращении деятельности юридического лица. В течение указанного срока заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица¹³. Позиция ВС в целом поддерживается судами при рассмотрении аналогичных дел¹⁴. Стоит отметить, что подход о применении указанного срока, который установлен российским гражданским законодательством, выглядит довольно неоднозначным применительно к данному делу, принимая во внимание, что ликвидированный акционер являлся иностранным юридическим лицом, учрежденным в штате Калифорния.

При этом в 2022 году при рассмотрении похожего дела (с важным отличием – исключенный в 2007 году из ЕГРЮЛ акционер был российским юридическим лицом) ВС придерживался иного подхода, согласно которому выкуп акций ликвидированного юридического лица **в любом случае** должен осуществляться на возмездной основе¹⁵. В одном из дел, рассмотренных после этого судом первой инстанции, истцом-эмитентом были внесены в депозит нотариуса денежные средства за выкупаемые акции акционера,

¹¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 по делу № А40-146631/2021.

¹² Постановление АС Западно-Сибирского округа от 05.04.2021 по делу № А75-18996/2019, Постановление АС Северо-Западного округа от 06.12.2021 по делу № А56-45615/2020.

¹³ П. 5.2 ст. 64 ГК РФ.

¹⁴ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 05.06.2023 по делу № А51-21489/2022, Решение Арбитражного суда Красноярского края от 19.08.2023 по делу № А33-10443/2023, Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.07.2023 по делу № А56-35383/2023.

¹⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 по делу № А27-24426/2020.

ликвидированного более 12 лет назад, и суд первой инстанции прямо не указал на отсутствие обязанности по оплате таких акций¹⁶.

Также в деле 2022 года ВС достаточно подробно описал процедуру «выкупа» брошенных акций, обратив внимание на то, что при проведении общего собрания акционеров по вопросу выкупа акционерное общество обязано направить **известным ему участникам «потерянного» акционера** уведомление о проведении общего собрания, т.е. на общество возлагается дополнительная обязанность уведомить помимо недействующего юридического лица также его участников. В деле, рассмотренном ВС в 2023 году, такое разъяснение не содержится, в этой связи в настоящий момент не совсем понятно, какими инструкциями должны руководствоваться эмитенты на практике в случае намерения выкупа «брошенных» акций.

Информационные письма ALUMNI Partners являются кратким обзором изменений в законодательстве и правоприменительной практике и не должны рассматриваться в качестве правового заключения или консультации.

Если у вас возникнут какие-либо вопросы или комментарии в связи с настоящим обзором, пожалуйста, свяжитесь с нами, и мы будем рады их обсудить.

Матвей Каплухий

Партнер, Корпоративная практика / M&A

ALUMNI Partners

+7 (495) 968-8-968

matvey.kaploukhiy@alumnipartners.ru

Елена Шеломенцева

Старший юрист, Корпоративная практика / M&A

ALUMNI Partners

+7 (495) 968-8-968

elena.shelomentseva@alumnipartners.ru

¹⁶ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.09.2023 по делу № А56-4366/2023.